

* Н * В * П *

Н О В А Я П О Э З И Я

АЛЛА

Горбунова

ПОКА ДОГОРАЕТ
АЗБУКА

НОВЕЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

Новая поэзия (Новое литературное обозрение)

Алла Горбунова

Пока догорает азбука

«НЛО»

2016

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Горбунова А. Г.

Пока догорает азбука / А. Г. Горбунова — «НЛО»,
2016 — (Новая поэзия (Новое литературное обозрение))

ISBN 978-5-4448-0456-8

Алла Горбунова родилась в 1985 году в Ленинграде. Окончила философский факультет СПбГУ. Автор книг стихов «Первая любовь, мать Ада» (2008), «Колодезное вино» (2010) и «Альпийская форточка» (2012). Лауреат премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2005), шорт-лист Премии Андрея Белого с книгой «Колодезное вино» (2011). Стихи переводились на немецкий, итальянский, английский, шведский, латышский, датский, сербский, французский и финский языки. Проза печаталась в журналах «Новый мир» и «Новые облака», рецензии и эссе – в «Новом мире» и «Новом литературном обозрении». Живет в Москве.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4448-0456-8

© Горбунова А. Г., 2016
© НЛО, 2016

Содержание

Радуйся, гнев мой	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Алла Горбунова
Пока догорает азбука. Стихотворения
Памяти моего дедушки

© А. Горбунова, 2016,
© В. Бородин, предисловие, 2016,
© В. Немтинов, фото, 2016,
© ООО «Новое литературное обозрение», 2016

Радуйся, гнев мой

«Пока догорает азбука» – четвертая книга Аллы Горбуновой, четвертая или пятая сотня стихотворений, в основном больших и всегда устроенных как подвижный, рвущийся за собственные границы объем. Этот объем – взаимообратимая связность мира внешнего и внутреннего: оба – большие и находящиеся в постоянном становлении. Поэтическая мысль и просодия здесь и неразрывны, и как бы видны по отдельности; все напоминает колебание очень тугой струны – или предельно ускоренное движение маятника от «события» к «впечатлению» (и обратно).

Авторский внутренний маршрут, то есть череда самовоспроизводящихся событий и впечатлений, задается так же устроенной амплитудой между «выбором» и «неизбежностью», «воинственностью» и «потерянностью». То есть эти самые, несомненно полярные, выбор и неизбежность оптически сливаются в «неизбежность выбора», воинственность и потерянность – в «воинственную потерянность», но примиренности, остановки маятника посередине – нет и быть не может: он, наоборот, ускоряется и автору не подвластен, а развитие этого тотального события комментируется – интонационно, во всевозможных обертоновых рядах – одновременно с яростью и нежностью, горечью и гордой усмешкой.

Задолго до стихотворения, строчка которого дает название книге, локус «откуда говорят» уже стоит перед глазами как костер, из заноз и книг, на пустыре морозного города, у которого греется человек (возможно, в большей степени «вообще человек», чем «лирический герой») – и очевидно: человек этот, если и не построил весь этот город и не написал все эти книги, что-то – сам, от начала до конца – построил и сочинил, а остальное аналитически увидел, собрал в собственной голове в прочное единство.

И овраги разверзнуты между домами,
как между людьми.
И тянутся к лесу, как нижние тропы
к последнему многоэтажному дому
на отшибе у леса
в провинциальном закате.

То есть говорит о самочувствии здесь не только личность, но и культура – которая в любом случае единственный дом: отчасти сырой и холодный, отчасти, в каких-то своих углах, превращенный в пыточную, но любой уход от него, любая месть заканчивается возвращением.

«Внутренний» сюжет книги, кажется, обращен к самому основанию речи. Азбука, которая догорает, это не просто образ чего-то, связанного с полем человеческой культуры и языка, но то первое, детское, что учит нас языку – и именно на этом уровне происходит некое преобразование. Горбунова пытается нащупать не просто новые смыслы, но какой-то новый способ их возможности.

С самой ранней юности Алла Горбунова с пристальной решимостью, никому не передоверяя, изучает фундамент «здания культуры» – древние и в современном человеке от него в нем же самом прячущиеся слои мифологического и магического мышления (очень, в действительности, стабильные) – и мистические интуиции, которые большая редкость.

до иссушения крови в огненную руду
до низвержения грубого мальвы в полях
мы землю копали и рыли но больше не будем
там, далеко, за Якутией, ещё дальше, где дикая мать живёт

В этих стихах очень сложно провести границу между субъектом и его опытом; у субъекта нет четких границ, отделяющих его от мира, а те условные границы, которые стремятся удержать его от полного растворения, крайне подвижны. Кажется, субъект этих стихов впускает в себя – в стихах часто даже на телесном уровне – некий предельный и даже деформирующий опыт, как бы принимает на себя его удар:

во имя какой *любви* ты хочешь со мной разделить
распад этих атомов расщепление звёзд
гибель богов

Горбунову интересует возможность откровения и чуда, и границы той субъективности, в которой они возможны, – вернее, постоянное проницание этих границ. Любое откровение пронзает как луч. Открывается новое видение: это и больно, и прекрасно одновременно:

в замочную скважину
луч проникнет и ранит меня.

Мы узнаём субъекта этих стихов в образе демиурга-неудачника, все творения которого ошибочны: огородные пугала, до пят укрытые волосами, бессмысленно бродящие в полях, каменные кувшинки, которые тонут, потому что их не может держать вода, сосуды, которые разбиваются:

что он может сказать на прощание
огородным пугалам, каменным кувшинкам, разбитым сосудам?

вы были ошибками и свободны,
никому не нужны и прекрасны,
бесцельны и безусловны.

и сосуды себя не склеят, каменные кувшинки
не всплывут со дна, и огородные пугала, до пят укрытые волосами,
будут вечно бродить в полях.

Мы находим его в разных местах: в полном одиночестве у базальтовых озер Радости и Зимы на Луне, где «сидели мы и плакали», как в псалме на реках Вавилонских, или на Елисейских полях Магеллановых облаков, где его окружают беженцы, и джинны, и нарядные трансвеститы. В одном из стихотворений он указывает свое место:

я —

внутри розы анголы
когда её обнюхивает гепард

И это точка, где красота, опасность и сама дикая жизнь сливаются в одно. Но фоном многих стихов, «неизменным домом» остается лес, тот самый, с озерами, с запущенным садом, где прошло детство:

дорога к кротовой норе

к стоячей воде
лосиного копытца
вот любовь моя
тёмная как торфяное болото
вот падалица
пушица
птица

Во всем этом есть что-то грозящее безопасной, самосохранительной картине мира (полу)разрушением, не гарантирующим пересозидания во что-то более сильное-гибкое-свободное, а художественному языку угрожает специфическая «прагматика откровения», жесткая обусловленность эстетического события духовным.

легче крыл стрекозы пари, прекрасный
гнев мой, оставив фальшивый праздник,
ты, сумасшедшая моя радость,
здравствуй!
горлинкой бейся, крутись юлою,
бешеным дервишем, русским плясом,
дикими осами, осью земною,
на баррикадах рабочим классом,
пьяной от гнева лежи в канаве,
на фальшивом празднике нет нам места.
гневайся, радость,
радуйся, гнев мой,
ave!

Поэты такой породы как честные и умные люди практически всегда – и Горбунова едва ли не «настойчивее» своих предшественников – уравнивают этот чрезмерно благородный риск иронией. У Аронсона, Хвостенко, Владимира Казакова – да и у Красовицкого – ирония была, на старинный студенческий лад, идиллически-легкомысленной, при ощутимой какой-то весомости и плотности «трагического», объективного, как глубоко застрявший осколок, время от времени напоминающий о себе молодому и, в общем-то, здоровому ветерану; у Александра Миронова и Елены Шварц – что-то почти противоположное: по-достоевски ранимая язвительность, рассредоточенный, газообразный сарказм. У Горбуновой того и другого поровну, хотя вообще ее ирония уникальна, как уникальна и вся избыточно сильная – можно сказать, болезненно здоровая – поэзия.

Мои сёстры – феноменолог и мать Тереза.
Я хочу их убить и зарыть на опушке леса.
Я одержима. Мной управляют бесы.

Одна сестра молится, другая читает рукописи Бернау.
Но только открою Гуссерля – бесы кричат мне «мяу».
Рот открою молиться – бесы кричат мне «вау».

Именно ирония, этот утыкающийся в самую-самую повседневность громоотвод метафизических вспышек, спасительна для искусства-как-баланса; вообще ясно, что Горбунова не только самый серьезный и возвышенный современный поэт, не только самый панк, а (что очень

важно) в этих стихах есть врожденное, как музыкальный слух, владение композицией, драматургией: не пере-изобретательство, а настоящая верность самым азам, внутреннее согласие с этими – природными, в конце концов, – законами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.